

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-1-44-55

Научная статья

Религия в ойратской политике династии Цин⁴

Б.У. Китинов

Институт востоковедения РАН
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

Лю Цян

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Династия Цин в период 1680-х – 1750-х гг. в своих отношениях с ойратами (джунгарами и хашутами) активно использовала потенциал и значение буддизма для достижения своей основной цели – подчинения этих кочевников. При этом она выступала в качестве мироустроительницы и законодательницы, стремясь поставить под свой контроль не только ойрато-тибетские отношения, но и получение образования ойратскими ламами, для чего добивалась их обучения в пекинских монастырях. В случае явного или тайного неподчинения Пекин обвинял ойратских правителей в их отказе от учения Будды, заявляя о себе как единственном истинном защитнике учения Гелук и лично Далай-ламы. Такая политика, наряду со сложным политическим процессом в Тибете и межойратскими усобицами, оказала свое воздействие на кризис в ойратском сообществе в сер. XVIII в.

Ключевые слова: буддизм, Гелук, Далай-лама, джунгары, ойраты, хошуты, Цин

Введение

Религия традиционно использовалась правителями для решения разного рода политических и иных задач, стоявших перед государством, в том числе для подчинения и управления народами и сообществами. Особенно показательным является политика династии Цин (1644–1911), когда взаимодействие, вернее, соперничество императора и кочевников-ойратов, в борьбе за влияние в Тибете ссылавшихся на свое исключительное положение в деле защиты «чистоты» учения и «положения» Далай-ламы, определялось спецификой их отношения к тибетским лидерам, особенностями политических процес-

---

© Китинов Б.У., Лю Цян, 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

сов и событий, силой традиций и т.п. «Важно отметить, что представление об императоре как защитнике тибетского буддизма было частью политической идеологии империи Цин почти до ее конца», пишет известный российский монголовед В.Л. Успенский [4. С. 229]. Следует отметить, что под тибетским буддизмом в первую очередь подразумевается учение школы Гелук, известной также как желтошапочная («желтое учение», «желтая секта»), основателем которой был известный религиозный реформатор Цзонхава (1357–1419).

Особенно выделяются периоды правления двух цинских императоров – Канси (правил в 1662–1722) и Цяньлуна (правил в 1736–1796), чьи мнения о роли и значимости религии буддизма во взаимоотношениях с западными монголами – ойратами (джунгарами, хошутами) являют собой образец использования религии в качестве инструмента влияния на внешнюю и внутреннюю политику этих кочевников.

Методы и материалы

В настоящей статье нами в качестве основного источника используется «Цин шилу чжуньгээр шилиао чжайбянь» – сборник материалов хроники «Цин шилу», касающихся истории ойратов и Джунгарии [6]. В качестве дополнительных были привлечены переводы на русский язык извлечений из источников на китайском, тибетском и монгольском языках [1, 2, 3, 4, 5]. При изложении материала авторы исходили из принципов историзма и объективизма, использовали религиоведческий и компаративный методы. Соответствующее внимание было уделено причинно-следственному подходу (логике) к исследованию процессов и явлений, затронутых в статье.

Исследование проблемы

При Канси монголы вступили под покровительство империи Цин. Причиной такого шага стало вторжение в 1688 г. ойратской армии в Халху (Восточная Монголия) после того, как джунгарский правитель Галдан Бошокуту-хан (правил в 1671–1697) обвинил монгольского духовного лидера Богдо-гэгэна Джебдзун-Дамбу хутухту (1635–1723) в неуважении к посланнику Далай-ламы Галдану-ширету. Богдо-гэгэн с несколькими светскими монгольскими лидерами бежал под защиту маньчжурских войск.

Вот что писал Галдан императору Канси летом 1688 г.: «Джебдзун-Дамба-хутухта и Тушэту-хан попрали учение Далай-ламы и не оказали уважения Ширэгэту. Я призвал их к уважению норм поведения, к дружелюбию и к правильным действиям. Но они не послушались и продолжили творить неправо дело, так что в конце концов я поднял войска и пришел. Я пришел уничтожить их жилища, опираясь на чудодейственный дар Далай-ламы. Эти двое делают не то, чего все желают. Поэтому им некуда податься. Если они куда и придут, то их все равно нигде не примут» [6. С. 54–55; см. также: 2. С. 148]. В ответ Канси написал: «Далай-лама всегда спасал и благодетельствовал все живое

и стремился к тому, чтобы все жили в мире и дружбе. Я отправляю посла и пусть они, следуя моему приказу и учению Далай-ламы, договорятся о мире (между вами)» [6. С. 55].

Для Канси было принципиально обозначить себя как истинного защитника учения Гелук в споре с претендовавшим на то же положение Бошоктуханом. Вот что писал император в одном из своих писем Галдану: «В своем письме [ты] пишешь, что в [своих] действиях [ты] руководишься учением Цзонхавы. Но я также неизменно покровительствую учению Цзонхавы, защищаю и распространяю его... Далай-лама прекрасно знает, что я защищаю учение Цзонхавы, и потому докладывает мне [обо всем], так что обмен посольствами [между нами] не прерывается уже много лет. Халха же и ойраты явно [занимаются лишь тем, что] говорят пустые слова о своем следовании учению Цзонхавы и наставлениям далай-ламы, тайно же нарушают [и то, и другое]. Это известно во всех землях...» [2. С. 151–152]. А.С. Мартынов отмечал, что в этом и других своих посланиях император выступает как универсальный монарх мира, соответственно, он «находится целиком в рамках традиционной китайской политической теории» [2. С. 52], предполагающей ответственность правителя за мир и процветание мира, а его подданным – быть искренними и преобразовываться.

К последним Канси относил и Далай-ламу, которого император призывает к совместным усилиям во имя мира:

«Галдан относится с большим почтением к твоим, лама, законам и принципам. [А потому], если ты [также] пошлешь туда послов, с тем чтобы они строжайше приказали двум государствам впредь навечно прекратить вооруженную борьбу, то и твое и мое основное желание – вызволять запутавшихся и опекать попавших в беду – будет удовлетворено» [2. С. 145]. Впрочем, император с целью очернения Галдана мог заявлять и противоположное; так, в одном из своих посланий Галдану он утверждал: «Внешне ты придерживаешься учения Цзонхавы, на самом же деле ты перешел в ислам и не желаешь, чтобы я способствовал процветанию учения Цзонхавы и далай-ламы» [2. С. 153].

Здесь надо отметить следующее: среди ойратов (и калмыков) было небольшое число последователей ислама, которые были рождены в смешанных семьях и были известны на русском языке как томуты (известны у ойратов также как хотаны/хотоны). На наш взгляд, слово «томут» имеет центрально-азиатское происхождение и родственно слову «туокемути». По мнению Суйла (КНР), цинхайские и синьцзянские монголы (хошуты), чьей религией является ислам, известны как томао: «Цинхайские монголы называли их туокемути «托克木惕». В китайских исторических источниках их называют «люди томао», а в монгольских – 图木克 (тонгмог), 托克马克 (токмак)» [3. С. 78]. Хотя они и были мусульманами, тем не менее, считали себя ойратами. Их было совсем небольшое число, как среди ойратов Центральной Азии, так и среди калмыков, они до сих пор живут, например, среди хошутов Цинхая и Алашани.

После разгрома Галдана спокойствие на западных и юго-западных границах империи длилось относительно недолго – до 1717 г., когда новый джун-

гарский хан Цэван Рабдан (правил в 1697–1727) ввел свои войска в Тибет, против правившего там хошутского хана Лхавзана, имевшего тесные отношения с императором, и, вероятно, для оказания поддержки определенной части духовенства Гелук (ввиду доктринальных разногласий внутри этой школы). Это вторжение потянуло за собой цепочку важных событий. Вот что отмечено в цинских источниках:

«Пятьдесят шестой год правления императора Канси (1717), октябрь, и-сы.

Кукунорский князь Лобсан Дандзин писал в докладе императору: «Церинг Дондуб, подчиненный Цэвана Рабдана, возглавил 3000-ое войско на Тибет с целью убийства Лхавзан-хана. Войска Лхавзана столкнулись с противником и провели несколько битв, но ни одна из сторон не выиграла и не проиграла». [6. С. 190].

Джунгары в ноябре того же 1717 г. захватили Лхасу, Лхавзан погиб в бою близ Поталы. Послание же, отправленное хошутским правителем в Пекин, было доставлено в начале 1718 г.:

«Пятьдесят седьмой год правления императора Канси (1718), февраль, гэн-инь

Лхавзан-хан отправил доклад: «Наши многие поколения испытывали на себе милость мудрого императора. Внезапно замысливший злодеяние Цэван Рабдан отправил 6000-ое войско и мы в Тибете вступили войну, которая длится 2 месяца. Пока нет победителя и побежденного, но неприятельские войска снова движутся к Лхасе. И теперь наши войска защищают Лхасу, однако армия Тибета очень мала, большая тревога охватывает народ! Если Кам, Потала, Ташилунпо будут захвачены, то желтая секта будет стерта с лица земли. Поэтому убедительно прошу императора скорее отправить подкрепление и прошу кукунорскую армию тотчас же прийти на помощь» [6. С. 191].

Кукунорская (хошутско-тибетская) армия не смогла оказать реальной помощи Лхавзану. Вот что докладывал императору Ациту, бывший в свое время его посланником к Галдану Бошокту-хану:

«Пятьдесят седьмой год правления императора Канси (1718), апрель, синь-сы

Ациту писал в докладе императору: «Наши войска прибыли в Чатанму утром второго дня первого месяца, столкнулись с людьми Идаму-дзаба, который вел семью Лхавсана, вместе с женой его сына Сурца, они пытались бежать из Лхасы. Они сообщили, что войско джунгаров прибыло в эти места и мои тибетские войска неоднократно вступали с ними в сражения, обе армии понесли серьезные потери. В прошлом году десятого дня десятого месяца ойратский Шактур-заб предал нас и соединился с джунгарами, что привело к капитуляции монастыря Рамоче. Моя тибетская армия разогнана. Северные ворота дворца Поталы были взяты, и джунгары вторглись во дворец. Утром первого дня одиннадцатого месяца была прорвана оборона, которую держали Сурца с командой в 30 человек, все они были захвачены. Лхавзан умер в осаде, с того момента мы в бегах. Джунгары держат Далай-ламу в храме Чакбри. Панчен-лама по-прежнему живет в монастыре Ташилунпо» [6. С. 191].

После захвата Лхасы джунгарами грабеж длился три дня, при этом пострадали не только иные школы (например, школа Ньингма), но также и часть «желтошапочников», т.е. отдельные представители школы Гелук, во имя которой Цэван Рабдан и приказал совершить бросок в Тибет. Джунгарские лошади растоптали захоронение Пятого Далай Ламы, значительный урон был нанесен Потале, пострадали практически все монастыри Лхасы.

Спустя три года по изгнании в 1720 г. джунгаров из Лхасы и Тибета вспыхнуло восстание хошутов – ойратов, правивших Кукунорским регионом, ближайшими к Тибету землями, имевшими стратегическое значение для интересов династии Цин. Для Пекина это событие стало поводом напомнить хошутам об их прежней высокой оценке со стороны императоров и необходимости сохранять лояльность империи, присущее им со времен Гуши-хана, оказавшего в свое время неоценимую поддержку Пятому Далай-ламе в борьбе с врагами Гелук. Одновременно это восстание позволило в очередной раз представить джунгаров как врагов Гелук:

«Первый год правления императора Юнчжэн (1723), июль, цзи-чо

Юнчжэн направил сообщение главному полководцу Фуюаню: «Передай мой приказ Эрдэни Эрке Тогтоною. Все кукунорские князья являются внуками Гуши-хана. Когда наш император Тайцзун вззошел на трон, Гуши-хан и Далай-лама жили в мире и почтительно служили императорскому двору, с тех пор минуло уже 100 лет. Умерший император (Канси) был благосклонен к вам, предоставлял титулы и земли, оказывал свое покровительство. Затем Цэван Рабдан разрушил желтую секту и окружил Тибет, убил Лхавзана и бесцеремонно нарушил ваш порядок. После этого умерший император отправил большое войско для защиты Тибета, доставил Далай-ламу в Тибет и возродил желтую секту. Ныне без объявления причин войну начал Лобсан Дандзин, а поскольку вы не присоединились к нему, он напал на вас. Я (искреннее) почитаю умершего императора и с заботой думаю о потомках Гуши-хана. Данное злодеяние не имеет никаких оснований, нельзя ждать, следует немедленно идти в карательный поход. Я уже отправил шилана Чаншо для расследования фактов и обстоятельств деяний Лобсана Дандзина. Ежели Лобсан Дандзин раскается в содеянном, я определю степень его вины и помогу вам мирно разрешить (этот конфликт), укажу его братьям занять прежние территории в Кукуноре. Если Лобсан Дандзин не примет мою волю и бесцеремонно вторгнется в пограничную крепость, то как я могу не двинуть войска для уничтожения мятежников?» [6. С. 208].

После разгрома восстания летом 1724 г. Лобсан Дандзин бежал в Джунгарию. Цэван Рабдан отказался передать его императору. Пекин вновь поднял вопрос о его судьбе в конце 1727 г., когда у власти в Джунгарии стал Галдан Цэрэн (правил в 1727–1745), сын Цэвана Рабдана:

«Пятый год правления императора Юнчжэна (1727), декабрь, цзя-у

Лобсан Дандзин является сыном Даши Батура кукунорских хошотов. Его потомки не имеют права поднимать восстание и учинять взаимные расправы. Я приказал министрам отправиться туда с указом к отступлению. Од-

нако Лобсан Дандзин самовольно пересек границы и разбил пограничные войска, а затем обратился в бегство. Твой отец обязан был немедленно схватить его и передать мне, это было бы ярким проявлением дружеских чувств между нами. Ты, однако, укрыл его у себя, как это понимать? Ты обязан немедленно похоронить Лобсана Дандзина. Однако я полагаю, что предыдущие заслуги его отца Даши Батура позволяют сохранить ему жизнь. Потому я дарю ему свою милость, и повелеваю оставить его в живых». [6. С. 239–240].

После событий 1717–1720 гг. (захват джунгарами Лхасы) и 1723–1724 гг. (восстание Лобсан Дандзина и окончательное подчинение хошуттов империи) перед Галданом Цэрэном стала задача восстановления отношений с Лхасой, где руководство в лице нового «тибетского царя» Миванга Пхоланая (правил в 1728–1747) с большой подозрительностью относилось к инициативам джунгаров, особенно если дело имело политическую подоплеку:

«Девятый год правления императора Юнчжэна (1731), август, у-шэнь

Тибетский Полханэ Соднам Тобгье представил доклад императору: «Джунгары желают, чтобы сын Лхавзана Сурца был отправлен обратно [в Тибет] и стал тибетским ханом». Юнчжэн ответил на это: «Джунгары убили Лхавзана, а его сына Сурца взяли в плен. Нынче он говорит, что Сурца должен быть отправлен обратно в Тибет. Моя армия обязательно примет меры. Если речь зашла об отсылке Сурца, значит, Галдан Цэрэн замыслил коварство. Раз джунгары убили Лхавзана, сможет ли Сурца, вернувшись в Тибет, спокойно продолжить дело отца своего? Что касается «ханского» титула, следовало бы принимать решение после доклада далай-ламы и панчен-эрдэни. Как мог Галдан Цэрэн осмелиться на такие безрассудные действия?» [6. С. 261–262].

Тем не менее, по ряду причин, в том числе ввиду того, что Пхоланай был признан инкарнацией хошутского военачальника и ламы Галдана Цеванга, внука Гуши-хана [5. Р. 203], он, при разрешении императора, позволял джунгарам совершать в лхаских храмах религиозные требы:

«Пятый год правления императора Цяньлун (1740), февраль, и-мао

Император Цяньлун жаловал Галдану Цэрэну высочайший указ: «В своем докладе ты написал: «наш народ верит тибетскому буддизму, поэтому я хотел просить отправить людей для участия в чайной церемонии в храмах Тибета. Однако, всякого разного груза много, и сотня людей не сможет перевезти, потому настоятельно прошу разрешить мне взять с собой 300 человек». Ранее, из-за кончины Панчен-эрдэни, ты запросил разрешения для отправки людей к участию в чайной церемонии в храмах Тибета. Я издал указ пропустить вас, однако распорядителей должно быть не более 100 человек. Теперь ты пишешь, что 100 человек недостаточно, чтобы увезти все, и просишь увеличить до 300 человек. И эту просьбу я удовлетворяю. Ты должен выбрать людей, которые правильно понимают суть дела. Пусть они придут в Донкор (монастырь), я направлю людей для сопровождения» [6. С. 305].

В соответствии с имевшимися договоренностями с ойратами цинские власти шли на определенные финансовые расходы:

«Восьмой год правления императора Цяньлуна (1743), март, и-хай (Министерством финансов) было внесено предложение об увеличении соляного налога в Шаньси до 200 тысяч ляннов, собранный налог следует пре-проводить под конвоем до Ганьсу, данный налог пустить на покрытие издержек при перевозке груза для чайных церемоний послами Джунгарии» [6. С. 321].

Особое внимание уделялось ламам. Все перемещения буддийских священников между Тибетом и Джунгарией были под контролем Пекина, фактически под запретом, поскольку император допускал вовлечение лам в политические планы джунгарских правителей.

«Восьмой год правления императора Цяньлун (1743), декабрь, гуй-хай Лянчжоуский генерал Ухэту предоставил доклад императору: «Джунгарский посол Чунамука привез ламу Лобсанга Тензина в Тибет. Я спросил у посла, кто этот лама? Выяснил, что этот лама уже прожил 26 лет в Джунгарии, ныне представился удобный случай в связи с перевозкой подношений к чайным церемониям. Посол просил разрешить ламе вернуться в Тибет. Посол просил об этом в связи с прецедентом, связанным с ламой Гацзинь-линьцинем, который был оставлен и сейчас проживает в храме Лолуньбу. Цзюньван Полханэ наблюдает за его действиями». Император Цяньлун издал указ: «Лобсанг Тензин слишком долго прожил в Джунгарии, ему нельзя верить. Если разрешить ему жить в Тибете, есть опасения, что он будет шпионить. Следует разыскать Гацзинь-линьциня и Лобсанга Тензина, и отправить их в один из монастырей столицы» [6. С. 339].

Вместе с тем маньчжуры считали, что ламы могут стать проводниками интересов Пекина, который позиционировал себя как сакральный центр буддийской империи, куда и сам Далай-лама посылал свои дань и посольства. Выход виделся, в частности, в обучении нового поколения джунгарских священнослужителей в храмах Пекина:

«Пятнадцатый год правления императора Цяньлуна (1750), январь, у-у Император Цяньлун написал джунгарскому тайджи Цэвану Дорджи: «Ныне ламы, отправленные к вам из Тибета, по всей вероятности, уже скончались. Мы очень обеспокоены, что это приведет к полному исчезновению желтой секты [у вас]. Я намерен и дальше развивать желтую секту, как могу позволить ей затухать с каждым днем? Сегодня я очень много думал о вас. В Великом храме моей столицы обитает известный хутухта, добродетельный лама, избранный в Тибете, а также ламы приехали из различных мест (со всей Поднебесной), все они служат буддийской вере. Среди лам в Джунгарии можно выбрать 10 или 20 мудрых монахов и отправить их в столицу. 3–4 года они будут старательно обучаться в Великом храме, а затем вернуться обратно. Это поможет распространению желтой секты. Эти ламы обязательно должны быть молоды, так чтобы они потом не менее 30–40 лет могли распространять учение желтой секты. После прибытия этих выбранных молодых лам в столицу дальше не разрешается каждый год отправлять сюда лам из Джунгарии. После завершения обучения этих выбранных лам они смогут покинуть столицу, далее можно будет разрешить новым ученикам прибыть (в Великий храм)

на обучение. Учение желтой секты в Джунгарии приходит в упадок, поэтому (надо) тщательно все обдумать. Ламам из Джунгарии необязательно проходить обучение в столице. Ежели вы не желаете отправлять лам на обучение, то мы можем прекратить это дело; и если вы опять отправите посла в Тибет, моего разрешения не будет дано» [6. С. 319].

Но новый джунгарский правитель Лама Дорджи не решился послать своих хуvaraков (молодых лам) в пекинский Великий храм, под которым подразумевался, скорее всего, монастырь Юнхэгун, основанный императором Цяньлуном на месте дворца своего отца в 1744 г. Ссылаясь на заболевание лам оспой, Лама Дорджи вновь обратился с просьбой направить опытных тибетских лам в Джунгарию:

«Шестнадцатый год правления императора Цяньлуна (1751), февраль, бин-шэнь

Цяньлун издал указ джунгарскому тайджи Ламе Дорджи: «Ты писал, что ламы из ваших мест болеют оспой, и поэтому не могут отправиться в столицу. И настоятельно просишь отправить в Джунгарию 4–5 добродетельных лам, которые будут передавать знания. Если ученики хотят изучать искусство и культуру, то они должны приехать к учителю. А ты просил отправить учителя к ученику, (чем) неуважительно относишься к учителю. Поскольку ты заявил, что ваши ламы не могут отправиться в столицу, то ты должен прекратить это дело. Ныне ваш посол Эрцзин опять предоставил устный доклад: «Наш тайджи настоятельно просит направить 4–5 тибетских лам для многолетнего преподавания в Джунгарии, после завершения преподавания они вернутся в Тибет». Я обдумал ваши намерения и принимаю вашу просьбу. Приказываю, чтобы ламы высокого уровня направились к вам преподавать учение. После [того, как я] отправлю тибетских лам в Джунгарию, у тебя уже не будет никаких оправданий, если попытаешься обмануть нас. Ваши посланцы, по возвращении, все вам разъяснят. Ты должен снова направить посланцев в столицу, чтобы пригласить тибетских лам в Джунгарию. Тебе нужно дать обещание, что больше не будешь заниматься никакими трюками. Только после получения твоего обещания, я снова отправлю лам в Джунгарию. Данное дело напрямую связано с репутацией Цинской империи. Я не позволю ламам учить людей, у которых нет добродетели» [6. С. 344].

«Семнадцатый год правления императора Цяньлуна (1752), январь, и-хай

Джунгарский тайджи Лама Дорджи писал в докладе императору: «Послы во главе с Эрцзином и Ньимой доложили Вам наше желание. Благодарю Вас за разрешение пригласить в наши земли 4–5 лам для поучений. Мы услышали Ваше решение, и глубоко признательны. Ныне я отправлю посла Тубир-Халана в столицу, чтобы пригласить лам. Настоятельно просим разрешить приглашения одного из трех хутухту для наставлений, это позволит распространить учение желтой секты и принесет большое благо». Цяньлун издал указ джунгарскому тайджи Ламе Дорджи: «Из доклада тайджи: «Настоятельно просим разрешить пригласить одного из трех хутухту для наставлений, это позволит распространить учение желтой секты». В прошлом году послы во главе с Эрц-

зином и Ньимой доложили мне о делах по приглашению лам. Я издал четкий указ, что три почтенных хутухты и добродетельные ламы проводят обучение в столице, невозможно отправить их в Джунгарию. Однако я, опасаясь, что учение желтой секты погибнет в Джунгарии, издал указ Далай-ламе о выборе добродетельных лам в Тибете, и отправке их в столицу. Они могли бы отправиться в Джунгарию, как только ваши послы придут в столицу. После получения моего указа Далай-лама выбрал 10 лам для распространения [у вас] учения желтой секты. Ныне вы не следуете моему приказу, и сделали противоположный запрос – опять просите послать хутухту в Джунгарию. Факт в том, что ты в действительности не хочешь распространять учение желтой секты. Что касается избранных лам, то ваши послы уже встречались с ними, но поскольку эти послы не получили ваш приказ, они не осмелились пригласить лам в Джунгарию. В прошлом году я самолично выбрал тибетских лам, которые отправятся в столицу, и ждал вашего приглашения. Ныне ваши послы прибыли, однако же не пригласили их. Теперь я не буду отправлять даже этих десяти лам» [6. С. 347].

Последующие политические события в Джунгарии, где началась междоусобная борьба, затмили проблему прибытия лам из Пекина. Осознавая важность роли религии, Цяньлун требовал от своего окружения внимательно следить за активностью джунгаров в буддийских вопросах:

«Восемнадцатый год правления императора Цяньлуна (1755), февраль, у-шэнь

Император Цяньлун издал указ министру военного дела: «За последние годы джунгарский тайджи Лама Дорджи несколько раз хотел пригласить тибетских лам в Джунгарию, просил отправить людей для участия в чайной церемонии в храмах Тибета, но я не удовлетворял эти просьбы. Ныне в течение этого года они не писали о необходимости отправки послов в столицу, возможно, затаили недоброе и хотят вторгнуться в Тибет. Необходимо принять меры и тайно следить за их перемещениями» [6. С. 305].

Безусловно, отмечая важность роли религии (буддизма) в обществе и государстве, цинские императоры не только покровительствовали ей, но также использовали ее потенциал для укрепления своей власти и единения государства. Наиболее характерным примером является текст «Лама-шо», высеченный в 1793 г. по указу Цяньлуна на мраморной плите, поставленной в одном из павильонов Юнхэгуна:

«Хотя Наша династия покровительствует Желтой церкви... мы не проявляем какое-либо предубеждение, не желаем проявлять рабский пиетет перед священниками, (как это было) при династии Юань... Покровительство Нашего царства Желтой церкви простирается совсем по-другому. Так как монголы поклоняются Будде и имеют явную веру в лам, мы должны защищать ее только во исполнение нашей политики и распространения нашей любви к слабому» [1. С. 150]. Как писал А.С. Мартынов, «можно по-разному оценивать политику маньчжуров в монгольском мире и ту систему понятий, которая использова-

лась для оформления ее. Но в одном Цинам отказать никак нельзя: их «универсализм» отнюдь не был примитивным по форме. Притязание на «мировое» господство было искусно облечено с помощью традиционной китайской доктрины в классическое одеяние универсальной благотворительности. «Я являюсь повелителем Поднебесной, – утверждает император <...> – и если [я] не приму и не вскормлю пришедших [ко мне] людей, то кто же их примет и вскормит?» [2. С. 147]

Заключение

Буддизм играл важную роль в политике ойратских (джунгарского и хошутского) государственных образований и империи Цин. Стремление правителей Джунгарии (Галдана Бошокту-хана, Цэвана Рабдана, Галдана Цэрэна, Цэвана Дорджи, Лама Дорджи) представить себя защитниками тибетского буддизма школы Гелук привело их к столкновению с Цинской империей, чьи императоры также претендовали на роль покровителей этого учения. События, случившиеся в Тибете в первой четверти XVIII в. (джунгарская оккупация Лхасы и восстание хошуты Кукунора), имели непосредственную связь с ролью буддизма у ойратов, и вместе с тем их можно определить и как реакцию на соответствующую политику Пекина. В последующем джунгары были вынуждены обращаться к императорам за разрешением провести религиозные службы в Тибете или обучать там своих лам; разрешая либо запрещая подобные действия, император позиционировал себя мироустроителем и хранителем освященного порядка. Осознавая высокую степень влияния религии на кочевников, Пекин стремился взять под свой контроль буддийских священнослужителей, формировал образ империи как буддийской, чтобы добиваться нужных ему последствий во внешней и внутренней политике ойратов и монголов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Люлина А.Г. Тибетские институты власти и цинская система администрирования: особенности взаимодействия (середина XVII – конец XVIII вв.). Дисс... к.и.н. М., 2016. 183 с.
- [2] Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 284 с.
- [3] Суйла. Вэйлатэ – Си мэнь гу вэнь хуа бянь цян. (Ойраты – Культурные изменения в Западной Монголии). Пекин, 2002. 221 с.
- [4] Успенский В.Л. Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: Студия НП-Принт, 2011. 368 с.
- [5] Sperling Elliot. Pho-lha-nas, Khang-chen-nas, and the last era of Mongol domination in Tibet// *Rocznik Orientalistyczny*, 2012, t. 65, z. 1, pp. 195–211.
- [6] Цин шилу чжуньгээр шилиао чжайбянь (Материалы из цинских «Правдивых записей» по истории Джунгарии). Урумчи, 1987. 652 с.

REFERENCES

- [1] Lyulina A.G. Tibetan institutions of authority and the Qing administration system: peculiarities of interaction (mid.17th – late 18th centuries). Diss ... Ph.D. Moscow, 2017. 183 p. (In Russian)
- [2] Martynov A.S. The status of Tibet in the XVII-XVIII centuries in the traditional Chinese system of political ideas. Moscow: Science, 1978. 284 p. (In Russian)
- [3] Su yi la. Wei la te – Xi meng gu wen hua bian qian (Oirats – the Cultural Change in Western Mongolia). Beijing, 2002. 221 p. (In Chinese)
- [4] Uspensky V.L. Tibetan Buddhism in Beijing. St. Petersburg: NP-Print Studio, 2011. 368 p. (In Russian)
- [5] Sperling Elliot. Pho-lha-nas, Khang-chen-nas, and the last era of Mongol domination in Tibet// *Rocznik Orientalistyczny*, 2012, t. 65, z. 1, pp. 195–211.
- [6] Qing shi lu zhun ga er shi liao zhai bian (Materials from Qing True Records on the history of Dzungaria). Wu lu mu qi. 1987.

Research article

Religion in qirat Qing dynasty politics

Baatr U. Kitinov

Institute of Oriental Studies RAS
12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russia

Liu Qiang

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russia

During 1680s–1750s the Qing dynasty in its relations with the Oirats (Jungars and Khoshuts) actively used the potential and significance of Buddhism to achieve its main goal – the subordination of these nomads. At the same time, it had acted as a peacemaker and legislator, seeking to put under dynasty's control not only the Oirat-Tibetan relations, but also the education of the Oirat lamas, and had tried to get them for their education in the Beijing Buddhist monasteries. In case of overt or covert insubordination, Beijing usually accused Oirat rulers in their rejection of Buddha's teaching and conversion to Islam, claiming itself to be the only true defender of the teachings of Geluk school and personally the Dalai Lama. Such a policy, along with a complex political process in Tibet, and the Oirat internal strife, had had its impact on the crisis in the Oirat community in the middle of XVIII century.

Keywords: Buddhism, Geluk, Dalai Lama, Jungars, Oirats, Khoshuts, Qing

Информация об авторах / Information about the authors

Китинов Баатр Учаевич, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник, отдел истории Востока, институт Востоковедения РАН.

Лю Цян, аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.

Kitinov Baatr, PhD, Associates Professor, Senior research fellow, Department of history of East, Institute of Oriental studies of RAS.

Liu Qiang, PhD student of the Department of World History Peoples' Friendship University of Russia.

Для цитирования / For citation

Китинов Б.У., Лю Цян. Религия в ойратской политике династии Цин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 44–55. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-44-55>

Kitinov B.U., Liu Qiang. Religion in qirat Qing dynasty politics // RUDN Journal of World History. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 44–55. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-44-55>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 22.10.2018